

О БЕДНОМ ЖАНДАРМЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...
ОЧЕРК 2: АРЕСТ ПРОПАГАНДИСТА.

За дверью громко стучали клавиши пишущей машинки. Время от времени звонко переезжала каретка, и стук клавиш возобновлялся с новой силой. Вот зачем, собственно, с такой силой стучать по клавишам? Дуняша потянула ручку, но дверь не поддавалась. Тогда она постучала в дверь:

- Борис Самойлович! Открывайте. Мне убраться надоть.

Из за двери раздался недовольный голос:

- Потом, Дуняша, потом! Я занят, срочная работа.

- Ить знаем, какая у вас работа, - проворчала Дуняша, - А ещё студент!

Тренькнула каретка, и клавиши застучали с новой силой.

Через пятнадцать минут щелкнул замок, и из двери вышел молодой человек в изрядно потасканной студенческой тужурке. Взлохмаченные во все стороны темные волосы, черные глаза и крупный нос выдавали его еврейское происхождение. Под мышкой он зажимал большую плоскую папку, в которой было от силы листа три.

- Дуняша, можете убраться! – произнес он громко.

За его спиной открылась небольшая комната, в которой стоял стол и два шкафа: один у внутренней стенки, второй между окнами. На столе помещалась массивная пишущая машинка «Ремингтон» Интерьер дополняли фикус в углу и горшки с цветами на окнах. Дуняша встала посреди помещения и принялась. Со стороны «Ремингтона» тянуло сивухой.

- А еще студент! – осуждающе повторила Дуняша.

Молодой человек быстро прошел на вторую половину дома, и оказался в небольшом, со вкусом обставленном кабинете. Большую часть стен занимали шкафы с книгами по юриспруденции и истории. Посреди кабинета, за покрытым зеленым сукном столом сидел одутловатый человек, одетый по-домашнему, в рубашку и мягкий пиджак. В его лице было нечто телячье. Наверное, такое впечатление создавали полные щеки и крупный рот, украшенный редкой щетиной усов на верхней губе. Пенсне завершало портрет. Человек что-то отмечал карандашом в разложенных по сукну бумагах. Ему было лет тридцать, но разменявший недавно третий десяток Борис держался с ним подчеркнуто вежливо.

- Николай Сергеевич! Я должен отлучиться, - произнес молодой человек, - Это по делу, которое мы обсуждали в прошлую среду.

- Да, да, конечно, Борис! Можете располагать собой. Значит, вы сделали то э-э-э... о чем мы говорили?

- Да. *Это* со мной.

- Ну, тогда ступайте. Мы, русская интеллигенция, обязаны способствовать развитию освободительного движения. В этом наш долг, наше предназначение. Лично я рад, что мы работаем вместе. По настоящему образованный человек не должен, не может мириться с самодержавием! Лично я верю, верю в светлое будущее России! Именно поэтому я с вами, Борис... И господин Рейнгардт тоже.

Выспренность и многословность речи изобличали в Николае Сергеевиче присяжного поверенного. Или его помощника, исходя из возраста. Во время всей длинной тирады бывший студент стоял, опустив глаза в пол и переминаясь с ноги на ногу. Дождавшись завершения тирады, он поднял глаза на собеседника:

- Спасибо, Николай Сергеевич. Просто не знаю, что бы мы делали без вас. Можно тогда будет у вас собраться ближе к вечеру, часам к десяти?

- О чем разговор, Борис! Приглашайте людей. Посидим, обсудим злобу дня...

- Спасибо, Николай Сергеевич, - Борис уже собирался уходить, но в дверях развернулся, - Вот еще что... Ваша горничная что то подозревает. Стала смотреть как-то искоса, что-то вынюхивает, стоит под дверью, пока я работаю.

- Ну что вы, Борис! Авдотья простая девушка, тоже мне, нашли агента охраны!

Через некоторое время после ухода студента в кабинет присяжного поверенного постучалась Дуняша, и с порога объявила:

- Барин! А писарь то ваш – пьяница!

- Как это так? – вскинулся молодой адвокат.

- Да вот так! Он в кабинете запрется, значаща, как бы документы переписывать, а сам «монопольку» и хлещет, и хлещет!

- Надо же! Никогда бы на Бориса Самойловича такое не подумал! – улыбнулся Николай Сергеевич, - Ладно, Авдотья, я с ним поговорю. Строго поговорю... Можешь идти.

Борис прошел Верхнедворянскую улицу до плаца Кадетского корпуса, оттуда спустился вниз к Петропавловскому собору, обошел его со стороны Присутственных мест. Со скучающей миной на лице переждал, пока мимо не проедет символ местного прогресса – набитый пассажирами электрический трамвай. За четыре года в Орле уже успели привыкнуть к этому экзотическому виду транспорта.

Его конечной целью стал городской сад. Пофланировав по тенистым аллеям и постояв на площадке летнего театра, где в этот день играл оркестр Орловского пожарного общества, Борис сел на свободную скамейку, и стал рассеяно рассматривать проходящих мимо людей. Папку он положил на колени. Минут через двадцать к скамейке подошел юноша с постным выражением лица. Когда Борис увидел молодого человека, его лицо стало таким же постным. Он снял папку с колен и переложил ее на скамейку. Молодой человек присел, со скучающим видом придвинул к себе папку, потом положил ее на колени. В этот момент Борис отвернулся, разглядывая что-то в конце аллеи, а потом встал и направился к выходу. Молодой человек посидел минут десять, со скучающим видом осматривая гуляющих, убедился, что появление в его руках папки не привлекло ничего внимания, после чего встал с места и тоже покинул парк.

Но он ошибался. За произошедшей сценой внимательно наблюдал человек в серой поддѣвке и картузе, сидевший на лавочке неподалёку на противоположной стороне аллеи. При взгляде на его крепкую фигуру и простоватое лицо, украшенное черными усами, приходило в голову определение «дяденька из простых». Может, отставной солдат. Может, ремесленник средней руки. Или мелкий торговец скобяным товаром... До этого «дяденька» довольно долго шатался по парку, равнодушно разглядывая встречных прохожих, пока его взгляд не выхватил (еще в отдалении) устраивающегося на скамейке Бориса. Рассматривая бывшего студента, «дяденька» сбавил шаг, а потом совсем остановился. Затем, расшаркавшись перед пожилой четой, сел на самый краешек их скамейки и издали продолжал наблюдать за происходящим. Попытки молодых людей изобразить рокег-face (это слово он узнал от своего начальника, когда тот объяснял ему новые обязанности) насмешили его так, что он фыркнул. Но в следующий момент он натянул картуз на нос и, откинувшись на скамейку, притворился спящим. Так и просидел, посапывая, с картузом на носу, пока мимо него не прошел молодой человек с папкой. И только тогда «проснулся», встал и вразвалочку двинулся следом.

Через час Борис снова стоял перед Николаем Сергеевичем.

- Ну-с, голубчик, а Дуня наша разоблачила-таки вас! – сказал, улыбаясь, присяжный поверенный, и увидев, как студент сбледнул с лица, торопливо добавил, - Не переживайте, ничего серьезного. Запойным пьяницей она вас посчитала! Представляете! Запашок после вас в рабочей комнате...

- Ну... Я же после работы чищу литеры, которые забиваются воском. А это лучше делать спиртовым раствором, - смешался молодой человек, - Вот я и использую водку. А по иному трафарет не изобразишь... Восковка через каждую строчку забивает литеры.

- Когда будет готова наша листовка?

- К первому мая успеем...

- Хорошо, очень хорошо! Мы, интеллигенция, должны способствовать революционизации народа. Недавно прочитал статью Луначарского в «Заре». Очень острая, знаете ли, злободневная статья... Но постойте, Борис! Я представил вас домашним как переписчика-сдельщика, который перепечатывает важные судебные бумаги на дому. Если пройдет слух, что вы пьяница? Что тогда мне делать?

- А может быть, это и к лучшему, Николай Сергеевич? – Борис перекатился с носка на пятку, задумчиво глядя в потолок, - Поговорят – и успокоятся, и не будут мне, наконец-то, мешать...

- Ну-с, воля ваша, голубчик. Кстати, не могли бы вы сейчас перепечатать вот эту бумагу? Только на обычной бумаге, прошу вас!

И, довольный своей шуткой, адвокат вернулся к своим делам.

К дому помощника присяжного поверенного Каринского молодые люди подошли по двое. Сухо здоровались, пожимали руки, обменивались уточняющими обстановку репликами:

- А где Петр?

- Он занят.

- Сколько времени?

- Нам пора.

Один из юношей постучался. Дверь открыла сама madame Каринская. В этот вечер Дуня неожиданно получила выходной.

- Молодые люди! Проходите. Мы вас уже заждались, - произнесла она с легким польским акцентом. Хозяйка радушно улыбалась гостям, но рука её нервно теребила пуговицу на лифе вечернего платья.

- Спасибо, Варвара Андревна, - поблагодарил за всех Борис.

В зале гостей встречал сам Николай Сергеевич Каринский и его коллега, Александр Рейнгард. Они сидели за скромно накрытым столом, на котором стоял горячий самовар.

- Проходите, *товарищи*, - хозяин встал и с улыбкой пожал каждому из вошедших руку, - А мы с Александром Николаевичем вас заждались. Ну что... Как говорят, начнем сходку!

И, довольный своей шуткой, засмеялся. Его жена, наоборот, нахмурилась.

Молодые люди – Борис и Михаил Пересы, Валерий Шмидт и Михаил Синайский – сели на предложенные места. Варвара Андреевна с бледным лицом разлила всем чай. Начиналось очередное собрание Орловского комитета «Искровской» организации.

- Последний номер «Искры» вышел замечательный, - заливался Николай Сергеевич, - Без смеха не смог читать поэмку Нарцисса Тупорылого! Какая едкая сатира на экономистов! Да, революция сама собой не свершится! Её нужно подталкивать и приближать. Тут я поддерживаю Плеханова и Ленина против madame Кусковой. Мне только непонятно, почему в газете ни разу не напечатались ни Зибер, ни Струве? А ведь они видные марксисты.

- «Искра» - очень смелая и передавая газета, - подхватил Рейнгардт, - Разоблачающая мерзость существующего режима. Нужно писать туда о наших здешних безобразиях.

- В номере «Зари», который у меня сейчас, очень дельная статья Богданова, - вставил свое слово семинарист Михаил Синайский, - Очень умно и едко развенчивающая доводы противников марксизма.

- Да, да, Миша, Луначарский и Богданов – наши кумиры, - вскинулся Николай Сергеевич.

- А последнего номера «Зари» не было еще? – спросил Синайский.

- Пришел, Миша, вместе с транспортом *основной* литературы, - ответил Каринский, - Прочитаю – вам дам.

В течение всего этого разговора Варвара Андреевна Каринская бледнела все больше и больше. Её рука снова стала нервно перебирать пуговицы на груди.

- К делу, - сухо произнёс Борис Перес, - Текст первомайской листовки мы утвердили в прошлый раз. Давайте решим, в скольких экземплярах мы распечатаем тираж, и на каких заводах будем распространять. Поскольку дело по настоящему опасное...

Madame Каринская закатила глаза и рухнула со стула прямо на подставленные руки мужа. Началась суета. Варвару Андреевну приводили в чувство мокрым полотенцем, положенным на лоб, и нюхательной солью. Наконец, бедная женщина пришла в себя, извинилась и удалилась в спальню, поддерживаемая мужем и Рейнгардтом.

Через некоторое время к молодежи вышел озабоченный Николай Сергеевич:

- Извините, товарищи, заседание комитета придется перенести. Моя жена плохо себя чувствует...

На улице все дали волю своим эмоциям.

- Вот уже третий раз, - с отвращением сказал Борис Перес, - Хлоп – и в обморок, переносите заседание!

- Зачем этим барам вообще считаться революционерами, - негодовал семинарист Синайский, - они понимают в марксизме ровно столько, сколько свинья в апельсинах! Вы слышали?! Зибер и Струве у него великие марксисты!

- Ты очень правильно сказал, Миша, - отозвался Валерий Шмидт, - Свинья жрет апельсины, ничего в них не понимая, а эти читают «Искру», не задумываясь о её сути. Для них это просто радикальная политическая публицистика, не лезущая за словом в карман. Если бы в книгах про Ната Пинкертон ругали русскую власть, они бы читали Пинкертон. Потребители...

- Но именно их адреса даны для связи с редакцией «Искры», - глухо сказал Михаил Перес, - Когда мы приехали в город, они уже плотно сидели на транспорте и переписывались с редакцией. Непонятно, как их до сих пор не раскусили товарищи в Женеве? Но по своей воле они эти связи и транспорт не отдадут.

- Не раскусили их потому, что мы за них исполняем всю работу. Так что будем решать с листовкой?

- Да решено уже, - раздраженно сказал Борис Перес, - Я договорился с Петром. Он сейчас уже работает...

Молодой человек, «украшавший» у Бориса Переса папку, решил, кажется, подготовиться к поступлению в бродячий цирк. Он стоял перед накрытым клеёной столом, держа в правой руке валик для краски. Перед ним на столе помещалась конструкция из рамки, на которую была натянута восковая бумага. Верхняя часть рамки была прикреплена к столу кнопками, посередине нижней была привязана веревка. Вербка уходила вверх, к подвешенной над потолком катушке для ниток, через нее спускалась вниз и обвивалась петлей вокруг мыска левого сапога молодого человека. Двигая ступней вверх и вниз, молодой человек опускал и поднимал рамку. Свободной левой рукой он подкладывал под опускающуюся рамку чистый лист бумаги, прокатывал по восковой бумаге валиком и вынимал из под поднимающейся рамки лист с готовым уже текстом. Странное устройство, с которым он работал, называлось мимеографом.

Мимеографирование – довольно сложное дело. Сначала нужно отпечатать текст на пишущей машинке со снятой красящей лентой на особо прочной вощёной бумаге. Полученный таким способом трафарет натягивался на рамку, крепившуюся одним концом к специальному ящику с полированной крышкой. Внутренность ящика использовалась

для хранения банки с типографской краской и валика. Рамка покрывалась типографской краской, под рамку на полированную поверхность подкладывался лист бумаги, после чего рамка прокатывалась валиком. Типографская краска проступала сквозь трафарет, и оставляла копию текста.

Мимеограф, он же ротатор, изобрел великий американец Эдисон. Русский революционер, химик и изобретатель Леонид Петрович Радин увидел в магазине мимеограф, воспроизвел его, заменив электрическое перо Эдисона на вощённый трафарет, и снабдил этой простой машиной социал-демократические типографии. Последователи Радина пошли еще дальше, отказавшись не только от электрического пера, но и от ящика, справедливо решив, что клеёнка ничем не хуже. Эта и была технология, обрушившая Российскую империю.

Молодой человек, а звали его Петр Бобровский, повесил на веревку последнюю отпечатанную листовку. Больше места на веревке не было. Весь тираж отпечатан. Осталось дожидаться, пока листки высохнут, увязать их, привести в порядок квартиру, разобрать и спрятать мимеографический аппарат...

Следующим утром, Петр Бобровский устроился на лавке в вагоне третьего класса, запахнул узелок с листовками под лавку, и тяжело вздохнул. Перевозить листовки из Орла в Брянск было неудобно и опасно, но что было делать, если Орел – город малопромышленный, и своего пролетариата здесь кот наплакал... Зато передовой социал-демократической интеллигенции – избыток. Приходится работать в соседнем городе...

Рассуждая подобным образом, Бобровский не переставал оглядываться по сторонам, выискивая глазами голубые или черные мундиры. Но мундиров не было. В вагон входила и рассаживалась по лавкам пестрая и разномастная обывательская публика – крестьяне из пригородных деревень, мастеровые, старухи с корзинами и детьми... Поэтому Бобровский не обратил внимание на крепкого усатого мужика в серой поддевке, который целеустремленно шел по проходу вагона. Мужик уселся на лавку напротив Бобровского, тот поднял взгляд на попутчика – и похолодел... Это был известный всем орловским революционерам жандармский унтер-офицер Стефан Извеков, переодетый в штатское.

Поезд тронулся. Сойти было уже невозможно. Бобровский с преувеличенным вниманием смотрел в окно на уплывающий городской вокзал. Мысли его путались. «Что это? Слежка? Почему тогда так – грубо и нарочито? Может, не за мной? Совпадение?» Бобровский огляделся по сторонам. Вагон был забит, свободных мест не было. «И пересесть нельзя... Может, он меня не узнал?» Бобровский взглянул на Извекова прямо, в глаза. Извеков улыбнулся ему широко-широко, как дорогому другу. Глаза жандармского филера смеялись.

Бобровский еще раз тяжело вздохнул, вытащил узелок из-под лавки, встал и направился к выходу. Извеков двинулся за ним. Так вместе они сошли на ближайшей железнодорожной станции Нарышкино.

Досадуя на себя, что не решился бросить узелок под лавкой, Петр Бобровский спустился с платформы, и направился к лесу. Извеков следовал за ним в пятнадцати шагах. Бросить узелок с листовками уже не было случая. Бобровский повернулся и пошел обратно к станции. Извеков подошел к нему:

- Что ж мы, господин Бобровский, ходить будем? Я вас арестую.

В глазах Извекова горел нешуточный азарт. Ведь самая захватывающая охота – это охота на человека. Он даже подобрался, как охотничья собака, но Бобровский и не думал бросать узелок... Как и любой порядочный человек, уличенный в чем-то неблагоприятном, он впал в глубокую протрацию. Понурившись, он шагал к станционной будке, возле которой уже стояли местный начальник станции и полицейский стражник...

- Хорошая работа Стефан Дмитриевич, - начальник Извекова, генерал-майор Сильницкий лучился довольством.

- Более всего я боялся, сначала – что он останется в вагоне, и тогда огласки не избежать, а потом - что он оставит листовки под лавкой, - скромно улыбнулся Стефан Извеков, - Тогда бы мы ничего доказать не смогли. Но, видно, жалко стало...

- Эта жалость станет ему в три года ссылки в Вологодскую губернию... Если мы сможем доказать не только распространение, но и изготовление.

Михаил Синайский ворвался в квартиру братьев Пересов.

- Петр арестован! – выпалил он завтракающим братьям.

- Откуда известно? – тут же спросил Борис.

- Передали из тюрьмы. Он там... Уже весь город гудит! Одни вы ничего не знаете...

(«Весь город» в представлении Михаила Синайского – это их социал-демократическая группа и несколько распропагандированных рабочих).

- Черт! – Михаил Перес в сердцах бросил вилку. Она громко прозвенела по столешнице.

- Нужно переиздать листовку, и добавить туда несколько слов об аресте Бобровского, - сказал Борис Перес, - Тогда мы освободим его от обвинений в изготовлении листовок, и останется только распространение. А за это всего – шесть месяцев!

Молодые люди бросились на квартиру Каринских. На пороге их встретила Дуняша:

- Никого нет дома. Барин и барыня поехали к господину Рейнгардту...

Молодые люди поехали на Введенскую улицу. На пороге их встретила прислуга:

- Господа уехали с Каринскими к себе на дачу.

Борис Перес только сплюнул. Уехали на дачу в будний день, в середине апреля! Это значит – уже узнали о провале Бобровского, перетрусили и удрали.

Оставался еще один выход...

- Авдотья Никитична! – уговаривал он Дуню, оттесняя ее в глубину коридора, - Дело у меня, срочно нужно перепечатать эту бумагу, срочно, срочно... Барин знает, знает, он просто забыл сказать... Буду без него работать... Да закрой же ты дверь, Авдотья!

Он рванулся к пишущей машинке, и остановился, как вкопанный... «Ремингтон» был покрыт колпаком, на котором висел замочек... Такого никогда не было... Борис Перес повернулся к шкафу, в котором лежала восковка. Он оказался заперт на ключ. Сверху на дверке был пристроен еще один навесной замок.

У Переса опустились руки.

Он подошел к дверце шкафа, взял замок в ладонь, повертел его в проушине, даже нажал – и отпустил. В случае чего Дуняша станет для Каринского свидетелем попытки ограбления со взломом, а навыков вора-домушника бывший студент не имел.

Еще на что-то надеясь, Перес выскочил в коридор:

- Дуняша!!!

Дуня с удивлением выглянула из господских комнат:

- Чего-сь?

- Дуняша! Почему это машинка на ключ заперта?

- Я не знаю... Значит, барин заперли...

- А ключ? Ключ он тебе не передавал?

- Не передавали... А что случилось?

- Ничего.

Напоследок Перес зло хлопнул дверью.

Через три дня Орловский комитет организации газеты «Искра» прекратил своё существование. Вернувшиеся с дачи Рейнгардт и Каринский делали вид, что не замечают молодых людей, в обществе которых проводили прежде столько времени. А молодые люди в упор не видели прогрессивных орловских адвокатов...